

Виссарион Белинский

Русские
журналы

«Русские журналы» — произведение известнейшего литературного критика Виссариона Белинского. Белинский известен новаторскими взглядами на цель и функции художественного слова. Виссарион Белинский вошел в историю мирового литературоведения как талантливый ученый, который обосновал теорию реализма, выступая за максимальную приближенность литературы к действительности.

Виссарион Григорьевич Белинский Русские журналы

В нашей журналистике с началом нынешнего года произошло столько перемен, что 1839 год должен составить эпоху в ее летописях. Явились два новые журнала; ¹ некоторые старые изменились.² К последней новости относятся и беспрестанные обзоры своих собратий. ³ Мы первые довольно уже начитались разных отзывов и суждений о самих себе, мы, которые ни о ком не судили. Думаем, что правила приличия и вежливости требуют, чтобы мы за внимание заплатили вниманием и не остались в долгу,

---

¹ В 1839 г., после долгого перерыва, возобновилось издание московского журнала «Галатей» и петербургских «Отечественных записок».

² Имеется в виду петербургский журнал «Сын отечества» (1812–1852). О его реорганизации см. наст. т., прим. 2 к «Журнальной заметке».

³ «Летопись русских журналов» как постоянный отдел введена с 1839 г. в «Сыне отечества».

особенно у почтенного и маститого «Сына отечества», который так скромно и так любезно приветствовал нас своим немного дрожащим от старости и от небольшой досады (вследствие старости же) голосом...⁴ «Галатея» — дама и красавица⁵ — от нее мы отделаемся несколькими комплиментами и любезностями; а «Сыну отечества»... Но начнем по порядку и не забудем и прочих журналов. С кого же начать? — Мы не будем долго думать и начнем — с «Современника», потому что ни один журнал не читаем мы с таким удовольствием, ни один журнал так высоко не ценим, как «Современник». Читатели «Наблюдателя» еще с прошлого года находили в нем постоянно самые подробные отчеты о каждой книжке «Современника». Но эти отчеты доселе помещались в «Литературной хронике», где не должны иметь место повременные издания; но теперь мы решились почаще заглядывать в область журналистики, и обзоры «Современника» будут уже в этом отделении, которое, не составляя особого отделения журнала, будет как бы

---

⁴ Имеется в виду отзыв Н. А. Полевого (см. наст. т., с. 430–431).

⁵ *Галатея* — в греческой мифологии морская нимфа.

заключением «Литературной хроники».

«Современник» всегда богат хорошими оригинальными статьями — обстоятельство, которое дает этому журналу высокую цену. Первая книжка за нынешний год, составляющая *тринадцатый* том издания, особенно богата хорошими оригинальными статьями. Пересмотрим их по порядку. Первая — «Знакомство с Рунебергом» г. Я. Грота содержит любопытные подробности об одном из знаменитых современных поэтов и литераторов шведских — Рунеберге и о шведской литературе. Статья эта — отрывок из путешествия по Финляндии, отрывок, возбуждающий живейшее желание прочесть путешествие, изданное вполне. Пропуская «Разбор новых книг», переходим к статье «Отрывки из истории партизанов Пиренейского полуострова» г. Н. Неведомского, к статье превосходной и по содержанию и по изложению, давно возбудившей в нас живое внимание и еще живейшее желание прочесть в целом сочинение, из которого она отрывок.⁶ «Сын отечества» называет эту статью «набором слов, где есть все — и Андалузия, и

---

⁶ В очерке рассказывается о борьбе испанцев с наполеоновскими войсками за свою национальную независимость в 1808 г.

Алгамбра, и инквизиция, и мавры, и Гвадалквивир, и романсы, только нет того, что обещает заглавие статьи». ⁷ Чтобы показать нашим читателям, как верен вкус у редактора «Сына отечества», выписываем из статьи первую попавшуюся нам на глаза страницу:

При первом известии об отречении Фердинанда VII, Испания вспыхнула, как страсти на Востоке, чуждые постепенности и границ, — и совершила восстание так единодушно и одновременно, как при звуке тревоги европейские войска вскакивают с бивака. Это сравнение тем вернее, что испанцы взяли за оружие, не спрашивая, достанет ли у них силы для нападения или для обороны? как в европейском войске напрасно искать того, кто первый по звуку тревоги стал на свое место, так в испанских деревнях напрасно искать того, кто первый вскричал: «Да здравствует Фердинанд VII! смерть французам!» Выражение: «Испания восстала как один человек» останется классическим в истории — но будет не полно: ибо Испания восстала, как один человек, мучимый тем лихорадочным нетерпением, при котором время стоит, а думы жгут. Положение народа спокойное, но грозное, не терпящее ни отлагательства, ни противоречия, уняло с первых дней восстания

---

⁷ Цитата из обзора Н. Полевого «Летопись русских журналов» («Сын отечества», 1839, № 1, отд. IV, с. 42–43).

происки людей, хотевших остановить восстание из страха, из личных выгод или в надежде лучшего управления при новой династии. «Мы осраим себя, если признаем королем Иосифа», — твердили испанцы, полные народной гордости. Вскормленные матерями, не допускаящими их к груди без крестного знамения, кропившими их пеленки святою водою, испанцы говорили: «Еще при Дон Пелагио мадона приняла Испанию под свое покровительство: и мы оставим без защиты ее образа блестящие испанским золотом, ее статую в одеждах, сшитых испанками, оставим в то время, когда мадона в Кавадонгской пещере проливает крупные слезы; когда в Монсеррате венок из свежих цветов на голове мадоны превратился в черный!.. Мученики вознеслись на небо из-под рук палачей, из зубов зверей римского цирка; святые с помоста монастырских келий; дети испанцев возносятся на небо с материнских колен — мы вознесем с поля сражения, покрытые кровию французов, как мученики пылью римского цирка, как наши дети слезами матерей!..»

Неужели это пустой набор слов без смысла, как в критике или рецензии иного журнала, а не пламенная, живая импровизация?..

Критическая статья «Шекспир» очень интересна по своему содержанию и хорошо составлена.⁸

---

⁸ Статья представляет собой переложение (с пространной

«Картина Бразилии» — статья прелюбопытная по фактам о мало или почти неизвестной у нас стране мира и по прекрасному, живому изложению.

За этими статьями следует собственно изящная словесность. Прочтя с удовольствием «Два рассказа, или Болгарка и подолянка»,⁹ очень милый, но несколько растянутый рассказ В. Луганского, вы переходите к «Городу без имени», прекрасной, полной мысли и жизни фантазии князя Одоевского. В этой фантазии (иначе мы не умеем назвать прекрасного произведения кн. Одоевского) с силою и энергией) показана вся пошлость и безнравственность одностороннего взгляда на развитие народов и государств, вследствие которого основой, двигателем и целью их жизни и стремления должна быть только *польза*.¹⁰

цитацией) предисловия английского критика Уильяма Хэзлитта к его книге «Характеры пьес Шекспира», переизданной в Лондоне в 1838 г. (первое издание — в 1817 г.).

⁹ Первый из этих рассказов «Болгарка» напечатан в 1-ой июльской книжке «Московского наблюдателя» за 1837 г. Тот и другой составляют выдержки из дневных записок автора.

¹⁰ Свидетельство отрицательного отношения Белинского к теории буржуазного утилитаризма И. Бентама, который защищал неограниченную свободу капиталистической

«Праздник мертвецов» — перевод с малороссийского наречия на русский язык одного из милых юмористических рассказов талантливого Грицка Основьяненка.

В отделении стихотворений остановимся на «Новой сцене из «Бориса Годунова»», чтобы сказать, что этот небольшой отрывок блестит всею лучезарностью творческого гения Пушкина и что мы не понимаем, почему великий мастер исключил его из целого произведения.¹¹ «Путешественнику»,

---

конкуренции и эксплуатации и которого К. Маркс в 1-м томе «Капитала» назвал «гением буржуазной глупости» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 624). В фантазии В. Одоевского рассказывается, как под впечатлением пламенных речей одного молодого человека, по имени Бентам, жители уединенного острова построили свою жизнь на основе личной пользы. Но вскоре в Бентамии (так названа была колония) принцип личной «пользы» развился в принцип «обогащения». Началось оккупирование и разорение соседних земель. Конкуренция привела к междоусобиям внутри страны, начала волноваться разоренная беднота. Правители-предприниматели были свергнуты, их место занимали последовательно купцы, ремесленники, землепашцы, но страдания не исчезали — таков вывод Одоевского. Белинский и Одоевский были солидарны во взглядах на теорию буржуазного утилитаризма И. Бентама, но критиковали они его с разных позиций.

¹¹ «Новая сцена из «Бориса Годунова» — «Девичье поле. Новодевичий монастырь. Народ» (в примечании, принадлежащем, очевидно, Плетневу, сказано: «Следует в

стихи *четырнадцатилетнего* Пушкина,
интересны как факт — не больше.¹²

Перелистав с читателями первую книжку «Современника», приглашаем их перелистать с нами *три* первые книжки «Библиотеки для чтения» и просим их не пугаться тяжести труда — мы намерены совершить его на ходу.

Может быть, многие ждут уже от нас брани, насмешек, нападок, потому что мы заговорили о «Библиотеке для чтения»; напрасные ожидания! Наши литературные мнения чужды всякой личности, всех отношений, требующих, для своей ясности, особенных домашних комментариев. Для нас равны — и «Библиотека для чтения», и «Сын отечества», и «Отечественные записки», и «Северная пчела». Нам не нравится направление «Библиотеки для чтения», но нам нравится, что в ней есть направление — качество, принадлежащее

оригинале за сценою на Красной площади»). В издание трагедии 1831 г. эта сцена не включена по цензурным соображениям.

¹² Первоначально напечатано под названием «К. Н. Г. Л-ву» («Российский музеум», 1815, № 3) и обращено к брату лицейского товарища Пушкина Николаю Григорьевичу Ломоносову. Теперь печатается под названием «К. Н. Г. Ломоносову».

не всем нашим журналам; мы не разделяем мнений «Библиотеки для чтения» и даже не любим их, но мы любим ее за то, что у ней есть мнения, которые есть не у всех наших журналов.¹³ Об аккуратности издания этого журнала, равно как и о том, что он умеет угодить *своим* читателям, — нечего и говорить, а это — согласитесь, два важные качества в журнале. Итак, да здравствует «Библиотека для чтения» и да не упрекает она нас в пристрастии, злобе и ожесточении к себе!.. После этого приступа, который мы считали необходимым, приступим к самому делу.

Первое отделение в «Библиотеке для чтения» — «Русская словесность» — название немного неверное, потому что предмет и прочих всех отделений тоже — русская словесность. Отделение «Русской словесности» в «Библиотеке для чтения» всегда начинается стихотворениями. По причине стихотворного бесплодия в современной русской литературе, это отделение «Библиотеки» всегда

---

¹³ Подробную характеристику «Библиотеки для чтения» как журнала провинциального, угождающего вкусам малотребовательного читателя, Белинский дал в статье «Ничто о ничем...» (наст. изд., т. 1). В пору «примирения с действительностью» критик относился к «Библиотеке» более снисходительно. См. рецензию на «Литературные пояснения» Н. Греча (Белинский, АН СССР, т. II, с. 544–545).

было крайне слабо. Г-н Тимофеев — всегдашний и неутомимый поставщик для этого отделения, — можно судить, каково оно! Вдруг в трех книжках «Библиотеки для чтения» за нынешний год явилось одиннадцать прекрасных, поэтических стихотворений. Это было загадкою для многих — только не для нас. Автор этих прекрасных стихотворений — г. Красов. У нас была тетрадь его стихов (единственный экземпляр), и мы были уполномочены поэтом брать из нее, что нам угодно. Вследствие этого в «Наблюдателе» еще за прошлый год помещено было несколько стихотворений г. Красова — остальные дожидались своей очереди. Вдруг редакция «Наблюдателя» потеряла эту тетрадь, единственный список стихотворений, писанных в продолжение нескольких лет. Вероятно, тот, кому тетрадь попала в руки, переслал ее в редакцию «Библиотеки»,¹⁴ — и мы очень рады, что прекрасные стихотворения любимого и уважаемого нами поэта, утраченные для нас, не утратились для публики. На тетради в самом деле не было

---

¹⁴ Об этом Белинский так информировал Панаева в письме от 25 февраля 1839 г.: «Представьте себе — какое горе: у меня украдена учеником Межевого института, неким М. <Н. Мартыновым>, тетрадь стихов Красова и попала в руки Сенковского, который и распоряжается ею, как своею собственностью».

выставлено имени автора, — и потому в I № «Библиотеки» — «Элегия» (стихотворение, напечатанное, кажется, еще в «Телескопе» за 1835 год), «Сон» (нигде не напечатанное стихотворение) и «Песня» (напечатанная в I № «Наблюдателя» за прошлый год) явились с именем г. Бернета.¹⁵ Во II № «Библиотеки» — «Элегия» и три «Песни», из которых последняя была напечатана в V № «Наблюдателя», явились уже совсем без имени, с примечанием редакции о получении тетради. Что же касается до трех стихотворений, напечатанных в III № «Библиотеки для чтения» с именем г. Красова, то они взяты не из тетради, а присланы в редакцию этого журнала самим автором, который, досадуя на долговременное непомещение своих стихотворений, прислал их к нам, вследствие чего прекрасная элегия «Когда порой свободный от трудов» помещена была еще в X № «Наблюдателя» за прошлый год.¹⁶ Из примечания редакции

---

¹⁵ О незаконной перепечатке «Библиотекой для чтения» стихотворений Красова из «Московского наблюдателя» под фамилией Бернета Белинский писал в «Журнальной заметке» (Белинский, АН СССР, т. III, с. 98).

¹⁶ Названные Белинским стихотворения Красова, перепечатанные Сенковским в «Библиотеке для чтения», первоначально были опубликованы: «Песня» («Не гляди

«Библиотеки» в III № видно, что тетрадь вся; жаль — значит часть ее утрачена, потому что мы помним там много прекрасных стихотворений, особенно одно, называющееся «Клара Моврай».¹⁷

Теперь заглянем в прозаическое отделение «Русской словесности». «Альпийские виды» — интересный очерк г. Фролова. «Малороссийская лень» г. Бабака — довольно занимательный очерк малороссийского быта. — «Николай Сапега», повесть г. Константинова, принадлежит к числу очень хороших *журнальных* повестей. За нею следует «Иван Рябов, рыбак архангелогородский» — драматический анекдот г. Кукольника, превосходное в своем роде произведение. Особенное достоинство этого нового произведения неистощимого пера г. Кукольника составляет народный язык, доведенный до крайнего совершенства, и что особенно-то и важно — под

поэту в очи») в «Московском наблюдателе», 1838, ч. XVI, март, кн. 1; «Песня» («Прочь, прочь, ни слова! Не буди, что было») — там же, ч. XVII, май, кн. 1; «Элегия» («Когда порой свободный от трудов») — там же, ч. XVIII, июль, кн. 1; «Элегия» Красова («Я скучен для людей, мне скучно между ними») ранее не печаталась.

¹⁷ «Клара Моврай» впоследствии была напечатана в альманахе М. А. Максимовича «Киевлянин», 1840, кн. 1.

русскою простонародною речью таится русский простонародный ум, русская душа.¹⁸ Мы не можем отказать себе в удовольствии выписать одного места: вот рассказ матроса о том, как он спас Петра Великого в бурю на Белом море.

АНТИП. Я милости твоей доложу, что Антип — первый архангелогородский лоцман, человек бывалый; нашему брату, стало быть, какое ни есть море — перина; валяешься, сколько душе угодно, сойти не хочется; бывало и такое, что целый год одежды просушить не успеешь; милость ваша сумлеваться изволишь, а я доложу о себе, что мне, старику, нахвасть говорить не приходится. А на ту пору и меня припугнуло, совсем бы обробел, кабы с нами государя не было. Ну, а тут сам рассудить изволишь: у меня на руках сам государь; оплошать тройной грех! Дело-то у меня, что у доброго мужа жена — по шелковинке ходит; другой бы раз я на этакую погоду плюнул, а тут нельзя; государь-то... у меня государь и преосвященный Афонасий, и всякия

---

¹⁸ В рецензии на «Сто русских литераторов» Белинский высоко оценил также пьесу Кукольника «Иоанн Антон Лейзевиц» (см. наст. т., с. 403–404). Положительное отношение к этим двум произведениям у Белинского сохраняется и позже (в статьях «Русская литература в 1843 году» и «Сто русских литераторов... Том третий» — наст. изд., т. 7), хотя в целом критик резко осуждал ура-патриотические и лженародные драмы Кукольника.

набольшия начальства с Питербурха; нельзя; страх, стало быть, вот как кошка скребет; четыре глаза во лбу; как сова всё вижу; голос-то со страху стал больше царского. Он, знаешь, сам большой мастер нашинского дела; на других-то морях он хозяин; ну, а нашо-то Белое к нему еще не попривыкло. Разыгралось, расходилось, а мы только что вышли в Унскую губу; тут, стало быть, ветру простор; гору поднимает, пустит, да за нею другую вдогонку, да еще больше, да еще страшнее, да курчавее; а яхта через них-то, что через рвы, так и прыгает; знай только угадывай, чтобы гора-то яхте поклонилась. Потеха!

ОМЕЛЬКА. Хороша потеха! У тебя, Антип, видно, уж такой рыбий норов к морю; а не углядишь, так и поминай как звали.

АНТИП. Да что! правда и такое бывало, нече греха таить, промахнешься, вал-то гребешком и заденет... Мне нипочем, а ему-то сначала нипочем, да ветер крепчает, морю больно жарко; темь такая, что зги не видно, ытели попрятались, небо ушло; царь-то начал тут приставать: «Антип да Антип! лоцман да лоцман!» Я все молчу, да знай правлю, да думаю: «Стара шутка! Гневить тебя, государь, ответами не стану, а ты у меня на руках, у одного у меня на руках, а я на Белом-то больше твоего смыслю. Казни после за вину, да мне-то жизнь нипочем, а тебя, моего батюшку, не выдам». Государь больно осердчал; бежит на меня, да за рупор; я не выдержал, да и кричу: «Не замай!» Государь пуще прежнего; не стало моей мочи, я перекрестился да, ни жив, ни мертв, холопской моей рукою хватить его за руку,

да и прикрикнул: «Поди, пожалуй, прочь, я больше твоего знаю и ведаю, куда правлю».

ОМЕЛЬКА. Ахти, господи, Антип Мироныч! Как же это ты так небережно облолзился?

АНТИП. Сказал, батюшка! сказал, ей-богу, сказал, да и одурел со страху и жду сам не знаю чего...

Дальше не выписываем и за выписанное просим извинения у почтенного автора: впрочем: грех пополам, вольно же ему так хорошо писать...

«Маскарад», бойко и резво написанный рассказ, — легкий очерк большого света.¹⁹ В нем играет важную роль какой-то поэт Н-н, по имени Александр Сергеевич, который, когда его маска называет *Алеко* и намекает ему о Кавказе и Бессарабии, принимает это за намеки на свои сочинения... Но это еще ничего... Странно, что этот Н-н, приехав с маскарада домой, «скинул фрак, придвинул свечу, опустил перо в чернильницу, потер рукой по лбу, зевнул²⁰ и написал шестую строку «Бородинской годовщины», и лег спать». Это что-то похожее — как бы сказать? — на плоскость, слишком неуместную и для многих

---

¹⁹ «Маскарад» — повесть Н. Неверина.

²⁰ Курсив Белинского.